

Вместо предисловия

В хорошем разговоре – не все говорится.
Китайская поговорка

Эта книга приглашает к хорошему разговору. В ней нет назойливой откровенности – главное прорывается в короткой, почти случайной, фразе. Автор владеет искусством обмолвки и знает, что мера чувству – выдох.

А потому можно говорить обо всем: и о песке, что сыплется из-под ног какого-то там эгейского жреца, и о реке, которая все отражает, но ничего не берет с собой... Самый глубокий разговор никогда не достанет дна души, и нет такой мелочи, чтобы она не могла хоть что-то рассказать о нас.

Вся история – чудо узнавания. На «микенской глине» остается отпечаток руки мастера – и, рассуждая о чуждой эпохе, вдруг замечаешь, что твоя рука точно совпадает с ним. Он затерялся в пыли времен, мы исчезнем в соре дней, и это не мешает нам прикоснуться друг к другу. Время уносит нас, но разве оно неласково с нами?

А если так, – если случайное прикосновение преодолевает века, – то не расскажет ли оно нам больше и о нас самих, может быть, вопреки тому, что мы о себе думаем. Кто знает, когда и в чем мы узнаем себя...

Александр Калинин

По нити светящейся

* * *

*Увидеть воды той реки,
Что не течёт, впадая в крайность,
А волн прозрачным языком
Заботится о постоянстве
Сверкающей меж берегов
Золотоносной середины,
Достойной крови и травы,
Но наделённой свыше небом –
Бездонным призраком добра.*

* * *

*Часовой? стрелок? охотник?
Часовая стрелка ходит.*

Не слышно время, но часы идут –
То с будущим, то с прошлым не в ладу.
Неточны ль стрелки, тетива пружин
Ослабла ль в них, но я всё время – жив.
И ритуал подглядок и подкруток
Не ради лишних выглядит минуток,

Ведь с настоящим не в ладу и я
И слышу время, без часов скитаясь.

Язык скитаний – вежливый китаец,
Влюблённый в безупречность бытия,
Как погребённый дневниковый почерк –
В матрёшку яви: день, денёк, денёчек;
В наивность, облетевшую слова,
В то, без чего – грустить осиротело
И века холодеющее тело
Не отогреть попыткой мастерства.

* * *

Где замысел воли утрачен
И свет не воздался сторицей,
Кочует кораблик удачи
По тёмным морям небылицей.

Кто замкнут в пространстве – отведал
Ковчежной закупорки мыслей:
Как тонут в беспамятствах бреда,
В напрасных томлениях киснут.

На стенку волна налезает,
И нет в целом мире причала,
Лишь сердце наверное знает:
Ничто не начнётся сначала,

И срок подойдёт захлебнуться
Спокойствием... Но не затем ли
И муки, чтоб к ним не вернуться,
И сны, чтоб отыскивать земли?

* * *

Среди миров, в мерцании светил...
И. А.

Машиах

Мне во сне явился облик милый,
И сияли бездны и слои
Вдохновеньем первожданной силы,
И светилось имя: Эллой.
Нёсся дух над водами забвенья,
Над землёй – подобием листа;
Крепла мысль, угадывались звенья
Повести – от света до креста.

(сожалея)

Но прервался сон мой – вот досада,
Никогда воочью не воспрянут
Семь цветов, семь нот, семь яблок сада...

Аластор

(таинственно)

А восьмое – всё соблазн и пряность?
Как любить – и не вкусить такое,
Если слов сильней, дороже смерти!

Машиах

(удивлённо)

Я искал... свободы и покоя.

Аластор

(про себя)

Знай же цену пропасти и тверди.

(снисходительно)

Бредил ты, и бред твой воплотила
Моя воля... Свод ночной возник.

Машиах

(тревожно озираясь)

Аластор, зачем нужны светила,
Разве мало света и без них?

Аластор

(увлекая в бездну)

Прикоснись – как Девы тлеет локон!

Машиах

(испуганно)

Кто она?

Аластор

(насмешливо)

По имени назвать?

(горделиво)

Ты – мечтал о существе далёком,
Я – твоей мечтой... повелевать!

* * *

Скажи, мой дух, не скучно жить на свете,
Тем более всего в одном столетье?
Как разглядеть воочью остров синий
И руки гончара в микенской глине –
Лиловой, допотопной, доамфорной,
Познающей огонь и воздух горна.
Не так ли, бес, ведь ты глядишь давно
Куда захочешь и когда угодно,
Так отчего амфорное вино
Тебе дороже тайны первородной?
Не олух ты, не глух, не слабовидящ,
Предпочитая буйства бычьих игрищ
И близящийся мрак Девкалионов,
Карательный для целых миллионов
Мозаик, лабиринтов, гончаров...
Не правда ли, им приговор суров,
Хоть память глины неуничтожима,
Безвестность стилиа – золотая жила
Для будущих и славных мастеров?

* * *

Но уже раскачали ворота

молодые микенские львы...

О. М.

Запотела луны половина –
Провозвестница древних часов.
Застывай, землеройная глина,
Обрастай чернотой парусов.

В белладонне, в совином прозренье
Жизнь завязана мёртвым узлом,
И в волнах не находят спасенье
Ариадна иль девка с веслом.

Лунен свет, пропесочивший мнимость,
Чем угодно судьбу лабиринть.
Море мин, не мешало бы, Минос,
Местожителство переменить:

Где медузна морская пехота,
А ветла – продолжение звезды...
Но томят перевёртыши счёта,
Людоедства земли и воды.

* * *

Мы всё не обретём никак земли своей,
А небеса темны, как на порядок ниже,
И сколько ни кружи, ни бодрствуй, ни совей,
Но падаешь с небес, чтоб возвратиться к ним же.

А на земле зима, дороги замело,
И Пенелопа ткёт – и всё бела основа.
Пространство велико иль время так мало,
Но распускать с канвы – как бредить, слово в слово.

* * *

У каждого из нас своя Итака,
А к ней – свои *Юнона и Авось*.
Скрипучую сосну под гущей мрака
Напоминает мне земная ось.

Вокруг, вокруг да около мы бродим
Под равнодушный блеск слепых светил.
Которой же из запропавших родин
Я поиски земные посвятил?

А в мире и закаты, и рассветы –
Все без тебя и всё равно... с тобой,
Каким-то вышним откликом согреты,
Какой-то очень личной несудьбой.

* * *

... Тени в пламя сбегут голубое.
И. А.

Тень
(бредя по берегу с Учеником)

Усну, а и во сне не спится.
Все полнолуны дожидаться.
Разбилась жизнь, как черепица,
И ни оболы – чтоб напиться,
И ни сраженья – чтоб не сдать.

Ученик
(с надеждой в голосе)

А помнишь, так же ночь молчала
Под аркой золотых ветвей,
И Эвридику у причала

Ласкал не ветрено Орфей?

Тень
(вполне равнодушно)

Не верь, что тени теней слышат
И что друг друга узнают,
В подполье памяти лишь мыши
Железо времени жуют.
Тебя твоя заводит память
В тростник, которого уж нет;
Искать, задумывать, шаманить –
Тебе. Сегодня ты поэт.

Ученик
(смущенный)

Ты пел – и по морям летело,
Смолкал – и души наизнанку!

Тень
(вдруг оживившись)

Нет, песня пелась как хотела
Затем, что добивалась тела,
Как гольфьбы – игра в орлянку!

Ученик
(смущаясь еще сильнее)

Всё любишь?

Тень
(усмехнувшись, с намеком)

Так не сводят с нею,
А то сольёмся вместе – и...
(отворачиваясь)
Прости, с рассветом я бледнею.
Прости.

* * *

Наполнен мир сияньем и тоской
И пальцами лучей тенистость лепит,
Едины в нём кладбищенский покой
И молодой листвы задорный лепет.

Лишь слова жрец, как древний иудей,
Пытает камни слов – звучать им нечем.
Ну как, век коротая средь людей,
Не сознавать, что слишком человечен

И свет в листве, и шорох от костра?..
Оставь тщету! Тогда поверить смог бы
У дерева бессмертья – в тень креста,
У дерева познания – в поиск смоквы.

Корив

Глас огненный – ни облика, ни лика –
Одной горы пылающая пика
И облако, воздетое над ней.
Притих народ – от мала до велика,
И патриарх, на посох как калика
Припав, внимает грохоту камней –
Небесных слов. И эха бьют в скрижали,
Пока внизу во мраке стонут дали.

Камень

Шумят века, поют ветра
И завтра будет, что вчера.
И Баальбек возводит Каин
В надежде скрыться от тоски.
И стены башен высоки,
Но давит неотступный камень.

Он, даже вырвавшись из рук
И воплотившись в дальний звук,
Вернётся камнем преткновенья.
Настигнут камушком своим,
Не знает мир, что делать с ним,
И отсылает в поколенья.

Покуда камню стать Петром,
Куются молнии, и гром
Гремит. И суша погрузилась
В пучины вод. И в гнев волн
То рычит лев, то мычит вол,
Но в безднах не ночует милость.

Покуда камню лечь углом
В единый храм, в надмирный дом,
Цари младенцев истребляют.
Текут народы, как пески,
И в Мёртвом море рыбаки
Всё так же сети расставляют.

И снится камню страшный сон,
Что не в пустыне брошен он,
А в вечном пекле – голосащим!
Вот подрастёт, вот в ум взойдёт,
И мы под ним не свой исход,
А безысходный гнёт обрящем.

Суламита

1

Если ревностно ухо к напеву,
Зренье к чистому образу склонно,
Полюбуйся на юную деву
Средь цветущих садов Соломона.

Оглянись, оглянись, Суламита,
Белой лилией кудри укрась.
В восхищении царская свита:
Столько неги у солнца украсть!

Тень сбежит, и прохлада провиснет.
Теплотой отягчённой завертит.
Постигая премудрости жизни,
Мы вдвоём позабудем о смерти.

2

Ночь дохнула прохладно и сыро.
Не вошёл, лишь взглянул свысока,
Как с перстов моих капало миро
На хитон и на ручки замка.

Я забылась, я громко стенала,
А в ответ – океан тишины.
Стражи сняли с меня покрывало,
Стережущие стены и сны.

Если б братом он был, чтоб могла я
Целовать на виду у людей!
Только ревность – сестра моя злая –
Ближе милого, стражей лютей.

* * *

*Строкой отдельной всякий стебелёк.
Быть может, мир – такой полувенок?*

..... Аграфа

Цветёт сирень, как девушка, упруга.
Скользит ручей пружинистой змеёй.
Тугую стернь взрывает лемех плуга.
Небесный пласт срастается с землёй.
Всё слова ждёт, чтоб хорошеть всегда,
Но пласт вверх дном – чернеет борозда.
Навстречу – листья мать-и-мачех луга.

.....
Цветёт сирень, как девушка, упруга.
Ты ищешь пять случайных лепестков.
Без них весь сад – скопление пустяков,
Одних кистей затверженная fuga.
Букет от глаз не в силах скрыть испуга:
Вдруг счастья нет и шутка – день шестой?
Скользит ручей пружинистой змеёй.

Скользит ручей пружинистой змеёй.
Тебе давно недоставало друга.
Кто знает мира древнего устоя?
Глубинный камень, что всему натуга.
Есть ключ и омут. Между ними – мрак.
Сквозь мрак и холод всходит жизни знак.
Тугую стернь взрывает лемех плуга.

Тугую стернь взрывает лемех плуга.
Суровый муж в работе изнемог.
Не вырваться из замкнутого круга,
Но бережёт и дом, и пашню бог.
Журчит вода. Выводит трель пичуга.
Прохладен дол с вечернею зарёй.
Небесный пласт срастается с землёй.

Небесный пласт срастается с землёй
От борозды – до свежего погоста.
И человек в разладе сам с собой,
Где богу – и предвидимо, и просто.
Отходит мира ветхая короста.
Восходит Вифлеемская звезда.
Всё слова ждёт, чтоб хорошеть всегда.

Всё слова ждёт, чтоб хорошеть всегда.
И мальчик в храме подхлестнул года.
Изумлены ходящие пред Яхве:
Чист голос, как текучая вода!
Полезному не сделает вреда,
А вредное – смоковницей закахнет.
Но пласт вверх дном – чернеет борозда.

Но пласт вверх дном – чернеет борозда.
И хлеб, и воля – достаются туго.
Ты вызов принял, будто кровный дар.
Случайно? но... покуда устоял.
Тугую стернь взрывает лемех плуга.
Вертись, земля, изнанкой на отвал!
Навстречу – листья мать-и-мачех луга.

Навстречу – листья мать-и-мачех луга:
Потвёрже – к небу, понежней – к земле.
Вот мера трав. И средство от недуга.
Прохладный свет на сумрачном тепле.
Поверь, природа помнит дальше нас.
Срастается с землёй небесный пласт.
Цветёт сирень, как девушка, упруга.

Зимний путь

Не по нитке – по нити светящейся, с миру
Собирается веры пучок. И несут
Издалёка волхвы в знак смирения – смирну,
Ладан – в лад и из золота чистый сосуд.

Это сон, это солнце восстало средь ночи!
И в глубокой пещере светло, как в раю.
И ведёт мимо падей и волчьих урочищ
Зимний путь, не подвластный уму и вранью.

Бегство

Всё южнее, всё дальше в пески,
Одинокий, везу я младенца.
От людской бесконечной тоски
Никуда мне, верблюду, не деться.

Как выносливый древний ковчег
В волн барханах барахтался с Ноем,
Я – с наставником. Сам – и ночлег,
И надежда измученным зноем.

«Эти волны залива – обман,
Занесённый сюда из Мадраса...» –
Так шептали разбойники нам,
Оглушённые совести гласом.

На младенца взирали без сил,
И молений колодец был выпит.
Вот тогда влажный дух возвестил:
Спасены! Перед вами – Египет.

* * *

Блажь блаженная невожделений
Ляжет ровно, как снег поутру.
Я смирюсь, потому что не гений,
Потому что один и умру.

Отрекусь от любви человеческой,
Так похожей на ненависть бурь!
И ни с кем уж, за шкурой овечьей,
Не встревожу морскую лазурь.

В синем небе белеют барашки,
В белом поле синеет покой...
Я пойму, что родился в рубашке,
И при этом неважно – в какой.

* * *

Взглянул на звёздную пургу,
Шепнул: не всё же ей висеть.
Застыла выпь на берегу,
Набилась зелень в сеть.

Был тьмы над светом перевес,
А он закинул и поймал
Таких любовников небес,
Что сам казался мал.

Зато велик – не донести! –
Кедровый крест, чтоб всех спасти.

* * *

Как горные пики – светила,
Глубины – что впадины гор...
Понтификам время претило,
И путают счёт до сих пор.

По лестницам Пантикапея,
Теряя сандалии с ног,
Спускался навстречу толпе я –
Просыпать меж пальцев песок.

Белевшего Понта пергамент
О чём-то вешал... Я не вник.
В ладони покоился камень –
Напрасного знания двойник.

Поёт мне ветер

О люди. Большой частью, бестолковы
И мечутся, не зная, как им быть, иль
Привычно лгут. О человеки, кто вы?
Ужель взаправду создал вас любитель.

Не тщусь за вами. В бабки не играю.
Поёт мне ветер, родственник самума,
Что есть трава, есть камни и по краю
Есть тишина – губительница шума.

И что, как человек, я умираю,
А как поэт... давно не человек.

Мриптих времён

1

Над лысой горою – сияющий день,
И надо улыбкой плеснуть напоследок.
Ещё мне меж рёбер копьё не продел
Язычник, как Рему Ромул, – его предок.

Рассеянны мысли, что звёзды в окне.
Я воду мог настом держащим представить,
В горячей пустыни бедовом огне
К холодной змее не испытывал зависть.

И чем бы любовь мою не нарекли:
Отъявленным сном, захолустным кочевьем –
Её завещаю собратьям земли,
Восторга и страха единым качелям!

2

О Вифлеем, по горло мир в крови
И нет звезды, с какой свершились роды.
История божественной любви –
Ничто без человеческой свободы.

Век на исходе, время терпит крах –
Нет будущего, прошлого тем паче.
Огогиимагогикарабах!
Свобода без любви и зло во плаче.

Не бездна рвётся – Провиденья нить,
Фагота грубость к нежности кларнета.
Как будто с кровью кровь соединить
Ты вышел на заре из Назарета!

Явление врасплох, что – истину узнать?
 Иконы лгут, как зеркала кривые:
 Ни рубищ не сыскать, ни вретищ – будто знак,
 Что саддукеи днесь не гнули выи.

Об имени истца не сведать никому.
 Признала бы трава, целуя ноги,
 Иль лодка рыбаля, осевши на корму,
 Хотя войти в неё случалось многим.

Бессмысленной толпе не выпадет черёд,
 Тем более – избраннику-народу.
 Которое плечо голубка предпочтёт,
 Когда огнём стихов заменят воду?

* * *

Опять растрезвонило эхо листвы
 В посаде прибрежном и птичьем,
 Что юному дню не сносить головы
 С его простодушным величьем.

На что уж предтеча был скрытен и горд,
 А чёрным клинком обезглавлен.
 Я помню багровую накипь аорт,
 Питавшую повесть о Савле.

*Р*ождение улыбки

Черновую кровь фантазмагорий
 Ночь пыталась – не заговорила.
 Винограда кисть в руке Маджори
 По письму парсунному парила.

Молний кривь иль византийства ересь
 В папской зале витражи корёжит?
 Но мадонны утреннюю прелесть
 Будто привкус каперсов тревожит.

В час, когда дрова забудут плакать,
 В жадности признается им пламя,
 Виноградин налитую мякоть
 Ты припомнишь тихими губами.

Контрафакция

(Вольный перевод)

Да или нет – вопрос, что предпочесть.
Теряя разум, продавая честь,
Слабея волей, покоряться силе
Иль, выжидая, делать вид, чтоб мстили
И шутовские выходки, чтоб враг,
Ещё и не сойдясь, попал впросак,
Явил в нажиме собственную слабость.
Тогда пора. Срази его, ослабясь,
Иль проиграй с усмешкой на устах.
Хоть не врага, так свой последний страх
Убей – не то уснёшь, а он проснётся
Подменой самой жуткой и больной:
Какой-нибудь сгнивающей страной
С раздавленностью заживо – народца,
С разбавленностью чёрт-те чем – питья...

.....
Не лучше ли актёром в Эльсиноре,
Шутя, сносить издержки бытия,
Презрительность невежд и в милом взоре
Бесчувствие иль жалость подмечать,
Чем дырку – неизвестности печать –
Открыть одним движеньем безрассудным.
Боязнь... чего? Как воля схожа с судном,
С опорой шаткой посреди штормов!
— Земля! – И нет спасительнее слов.
Боязнь – что ни-че-го, навеки, разом.
А этого не переносит разум,
Любая мысль труслива – в пустоте.
Скорей – она пристанет к злополучью,
Покруче обовьёт струну паучью,
Раздумьем ляжет на пустом щите.

На кладбище

«... что будет после него под солнцем?»

Леса усы – отсыревший иней,
Поле – кудель бороды.
Суетность дум одиноко стынет
В холоде мёртвой воды.

Треснет затёкшее корневище,
Вырвется возглас совы.
Ночь отлетела, лишь трупик рыщет
Всадником без головы.

День похорон воскресает из мрака
В венчике голубом,
Без любопытства, без чувства страха
Не станешь его рабом.

Второе пришествие не наступит –
Нельзя без мечты о нём.
Воду толочь смешнее – в ступе,
В прятки забавней играть – с огнём.

Ангел любви взмахнёт однокрыло,
Случай выдаст, бог не подаст.
Выдолбят грунт. Припомнят, что было.
Что будет – ушло под наст.

Унок

В сумерках по хляби шёл, по полю,
Поднял взор – и не нашёл колодца.
Вдруг припомнил: не за труд и волю –
За смиренье благодать даётся.

Вот, решил от братьев удалиться,
Да воды, больные, захотели.
Гнал себя: позволил простудиться,
Проще быть внимательным – в метели.

Стал. Молился молча, неторопко,
Пред Всевышним наша доля – смердя.
И сквозь вьюгу проступила тропка –
Нет греха, что больше милосердя!

Весь иззяб, ища лесную рамень,
Отыскал застывшую колоду:
Или думал, что во всём исправен? –
Всё корил, зачерпывая воду.

* * *

«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».

И. Б.

Когда и в будущем одна печаль руин,
О, как во сне шепчу я жизни имя!
И губы тянутся к трилистникам терцин,

Воркуют голуби, как на карнизах Рима.
На форум дня стремятся лепестки,
Воркуют голуби, и помогаю им я.

В календы крошками кормила их с руки,
Смеясь, календул городских подруга.
И на колени опускались голубки,

На платье жёлтое, не ведая испуга.
Что миг? Что вечность? Дымная вражда.
О, если б выпасть из её пустого круга!

Брать хлеб доверия, ценить тепло гнезда...

Раскрытая страница

Душный век, бездушный – следом.
В келье мне мирской не спится.
Между вымыслом и бредом –
Ждёт раскрытая страница.

Тень блуждает по долинам,
Рой светильников над нею
И среди них, в подири длинном,
Ходит, чьих волос бледнее
Снег в горах, а взора пламень
Ярче солнц страды палящей!
И из уст о горный камень
Высекает слог разящий.

Так внимай, белее снега,
Даже если пал в пустыне.
— Я и Алфа и Омега,
Мёртвым был и жив доньше!

Антитеза

Печальная дорога в Вифлеем.
Последнее пристанище Рахили –
Руины Рамы. Камни в блёстках пыли
И беженцы в плену земных проблем.

Гудит земля, пылает солнца глаз.
Идут волы, жена о детях плачет.
Всё те же мы и новый день не начат, –
Воскресший мальчик, что тебе до нас?

.....
Успение. И надобно успеть
Тянуть улов и рассуждать непраздно,
Покуда веры не скудеет сеть,
Раскинутая куполообразно.

И вновь латают сети рыбаки
У моря ль Галилейского, иного ль, –
Но как же изумленья велики,
Когда даётся не на смерть и вдоволь!

* * *

Не ливанский елей
И не ладан коринфских нагорий,
А родных тополей
Распростёрлась весенняя горечь.

Будто время горчит,
И остаток, оплывший на срезе, –
Как подобье свечи
За любимые выси и веси.

Что же сини молчат –
Распахнувший был молод и весел!
Что ж струится печаль,
Будто Сити и Роси кто бросил...

Груды прутьев, земля
И ледок, пережжённый как сахар.
Лишь горчат тополя,
И садовник не ведает страха.